

**СИМВОЛИКА ОБРАЗА АРАРАТА:
СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА
(На материале книги М. Д. Амирханяна
«Армения в зеркале русской поэзии»)**

А. И. СМЕРНОВА

**Московский городской педагогический университет
Alfia-smirnova@yandex.ru**

В статье анализируется символика образа Арарата в поэтических текстах, в заголовочный комплекс которых входит топоним горы. Материалом исследования стали стихи, опубликованные в книге М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии» (2022). Принцип отбора текстов в книге позволяет учесть все стихотворения, в которых образ Арарата оказывается в «сильной позиции» текста и занимает центральное положение. На основе анализа стихов Брюсова, Мандельштама, Луговского, Матусовского, Дудина, Звягинцевой, Николаевской, Сергеева, Трифонова, Чичибабина, Лиснянской выявляется символическое значение образа Арарата в большинстве произведений, анализируется система мотивов, определивших особенности поэтики. Ведущим мотивом в стихах, названных оронимом Арарат (или производными от него), стал библейский мотив потопа и спасения. Образ Арарата находит многообразное воплощение в русской поэзии XX в.: как священная гора, как «современник творенья» мира, как космическая ось мира, как антропоморфный образ, который наиболее полно раскрывается в мотивах «горы в тумане», открывающейся «золотым куполом» далеко не каждому; парящего, плывущего, летящего образа горы, устремленной на родину; тенью, дотягивающейся до неё. Центральное положение образа Арарата в стихах на формальном уровне выражено заголовочным комплексом, что подтверждается нами не только анализом именных заголовков и заглавий в виде поэтической строки, открывающей стихотворение, но и выявлением художественных функций подзаголовка и эпиграфа как компонентов заголовочного комплекса.

Ключевые слова: Арарат, ороним, гора, символика образа, стихи, семантика заглавия, мотив, вертикаль, модель мира.

Светлой памяти **Михаила Давидовича Амирханяна** – доктора филологических наук, профессора, вдохновителя и организатора цикла легендарных международных научных конференций «Русская и национальные литературы» (2009–2024)

Литературное произведение начинается с заголовочного комплекса, включающего имя автора, заглавие, подзаголовок, эпиграф. На значимость заглавия для всего произведения указывает С.Д. Кржижановский в известной работе «Поэтика заглавий» (1931): «Десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста, принято называть заглавием. Слова на обложке не могут не общаться с словами, спрятанными под обложку» [5, с. 3]. Первый раздел в цитируемой книге называется «Метод», в котором ученый обращает внимание на то, каким образом соотносится заглавие с текстом: «Как завязь, в процессе роста, раскрывается постепенно-множащимися и развивающимися листьями, так и заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть *развернутое до конца заглавие*, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [5, с. 3].

Современные исследователи заголовочный комплекс включают в «раму произведения» [6, с. 848] и подчеркивают связь обязательных/факультативных рамочных компонентов с жанром произведения. Ю.Б. Орлицкий обращает особое внимание на заглавия в произведениях лирического рода: «В лирическом роде (изначально – в *стихотворениях*, начиная с первой половины XX в., – и в прозе) возможно существование произведения без названия; в таком случае роль 3.<аглавия> обычно принимает на себя первая строка текста или его ключевое слово» [8, с. 74].

Цель статьи состоит в исследовании стихотворений об Арарате, в заглавия которых вынесен этот ороним. Материалом анализа стали стихи, включенные в книгу: *Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии* (Ереван, 2022). Принцип отбора текстов по их заглавию

позволяет в рамках представленного издания учесть все стихотворения, в которых образ Арарата оказывается в «сильной позиции» текста и занимает центральное положение.

Внимание и интерес к горной теме и образам гор вполне объясним: «Во все века люди с восхищением и благоговением взирали на заснеженные пики гор, взметнувшиеся выше облаков и пронзающие небеса. Неудивительно, что у древних народов горы считались местом соединения неба и земли, обителью бессмертных богов. Вершины гор рассматривались как пуп земли, а иногда – как вход в тоннель, откуда начинается дорога в царство мертвых» [3, с. 76]. Обратимся к справочной статье «Гора́» в энциклопедии «Мифы народов мира», в которой Арарат упоминается в связи с существенными мифологическими мотивами и событиями: потоком («ср. Арарат в Ветхом Завете, Парнас в истории *Девкалиона* и *Пирры*»), мотивом прикованного к горе культурного героя: «Эльбрус, к которому *каджи* приковывают *Амирани* у грузин, и Масис (Арарат), где то же самое происходит с Артавадзом (у армян) (курсив автора. – А.С.)» [7, с. 313].

В художественной литературе и искусстве горные образы широко распространены и не поддаются каталогизации, распространенность и укорененность гор в культуре можно объяснить их мифологическим происхождением и семантикой: «Гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Гора находится в центре мира – там, где проходит его ось (*axis mundi*)» [7, с. 311]. Горы имеют многообразные мифологические функции и занимают значительное место в мифологии, художественной культуре и литературе. Распространенность в мифологии этого топоса подтверждается в энциклопедической литературе: «Ветхозаветная традиция особо отмечает целый ряд гор: Синай (где Яхве открыл Моисею 10 заповедей), Сион (царская резиденция Давида), Оливет (трёхвершинная Г.<ора>, почитавшаяся как местопребывание Яхве), Мориях (место встречи Давида с ангелом; здесь же был построен храм Соломона в Иерусалиме), Арарат (миф о потоке), Геризим и Эбал (горы, отражающие как эхо благословения и проклятия), Кармел (символ верности и плодородия)» [7, с. 313].

Белоснежные вершины гор, устремленные в небеса, соотносятся с духовной сферой жизни человека. Так, для героев повести Л.Н. Толстого «Казачьи» «цепь девственно чистых гор с их ослепительными снеговыми вершинами становится мерилем нравственных ценностей» [2, с. 99]. Л.В. Пумпянский, автор труда «Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы» (2000), обращает внимание на то, что «горные пейзажи способствуют возможности раскрыть идею двоемирия природы, показать соотнесенность сфер. Поэтически горы изображаются как *древняя часть земного мира*, укорененная в нем, но возносящаяся над его горизонталью, соприкасающаяся с горным (Здесь и далее в цитатах из стихов курсив наш. – А.С.)» [Цит. по: 4, с. 110].

В монографию / антологию доктора филологических наук, профессора Михаила Давидовича Амирханяна вошли два стихотворения В.Я. Брюсова, созданные в 1916 году. М.Д. Амирханян назвал поэта «первооткрывателем армянской поэзии», поскольку в том же году в переводах на русский язык и под общей редакцией Брюсова была издана в Москве знаменитая антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». В первом стихотворении «К Арарату» (2016) образ горы предстает великаном и властелином, не подвластным времени. Арарат царит над пространствами и временами:

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободно-голубой простор [1, с. 279].

Образ Арарата в процитированном стихотворении В.Я. Брюсова задает *космический масштаб* картине мира, модель которого формируется белым конусом горы и прахом земным, эта вертикаль соединяет небеса и землю (поле каменистое), по горизонтали соединены окрестные пространства древней земли: «Весь мир кругом суровый, древний, / Как тот, где опочил ковчег» [1, с. 280]. С образом Арарата связан мотив ветхозаветного ковчега, возникающий в стихах антологии «Армения в зеркале русской поэзии». Связь *верха* и *низа* –

распространенный мотив в поэтическом осмыслении гор, символизирующий *пространственную вертикаль*, которая структурирует модель мира и является метакодом бытия.

В мифах гора, как и мировое древо, имеет трёхчленное деление на верхнюю, среднюю и нижнюю зоны. «Мировая Г.<ора> трёхчленна. На её вершине обитают боги, под Г.<орой> (или в её нижней части) – злые духи, принадлежащие к царству смерти, на земле (посередине) – человеческий род» [7, с. 311]. Образ Арарата у Брюсова мифологизируется и поэтизируется. Образ «старика-Арарата» запечатлен в финальных строках стихотворения: с него не сводит влюбленных глаз «короной венчанная дева», «в снегах, алея, Алагяз» [1, с. 280].

В следующем стихотворении В.Я. Брюсова – «Арарат из Эривани» (2016) – образ горы наполняется дополнительными смысловыми оттенками: «Весь ослепительный, весь белый / В рубцах задумчивых морщин»; внизу кипит жизнь («потoki шумные Зангу», сады, гул базара), но «нуждам земным» не внимлет Арарат: «Ты их отверг, ты выше их / Ты небом и веками дышишь» [1, с. 281]. И главный смысл стихотворения заключен в предпоследней, пятой строфе:

И пусть, взглянув угрюмо к югу
Как древле, ты увидишь новь –
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп [1, с. 281].

Символика образа вечного Арарата раскрывается в последней строфе: он «современник творенья» мира, ведал «человечества конец», ему заповедовал Творец «тайну новых дней». Семантика *потопа* усложняется, включая его контекстный потенциал, отсылающий к мифическим временам, образам Ноя и ковчега.

Теоретики литературы обращают внимание на то, что заглавие произведения является «сильной позицией» текста, поэтому «даже во внешне нейтральных заглавиях присутствие автора всегда ощутимо» [6, с. 849]. Особенно это относится к лирическим произведениям. У

О.Э. Мандельштама есть стихотворение, в котором представлена не именная форма заглавия («По форме 3<аглавия> чаще всего бывают именными; значительно реже встречаются глагольные или выраженные целыми предложениями» [8, с. 74]) и даже упоминание Арарата имеет косвенный характер в первой строке: «Колючая речь араратской долины...» (1930), однако ключевой смысл текста и его интонация связаны с семантикой отсутствующего образа горы. Стихи, состоящие всего из восьми строк, обладают суггестивным эффектом благодаря динамичному развитию лирического сюжета, нанизывающего безглагольные предложения и устремленного к предпоследней строке с единственным глаголом, и завершающей сюжет последней строкой.

Колючая речь араратской долины,
Дикая кошка – армянская речь,
Речь голодающих кирпичей.
А близорукое шахское небо –
Слепорожденная бирюза –
Все не прочтет пустотелую книгу
Черной кровью запекшихся глин [1, с. 320].

В цитируемом нами издании опубликованы шесть стихотворений Мандельштама об Армении. И там же упоминается автобиографический факт, объясняющий остроту поэтического восприятия древней земли, «сверхчеловеческую» оптику поэта и рожденные ею образы. Надежда Мандельштам вспоминала о том, что для поэта «приезд в Армению был возвращением туда, где все начиналось, к отцам, к истокам, к источнику... Ведь именно в Армении после долгого молчания стихи вернулись к нему и уже больше не покидали» [Цит. по: 1, с. 315].

Среди стихов об Армении В.К. Звягинцевой выделяется одно, в котором Арарат упоминается не в названии, а в *эпиграфе*. Эпиграф является значимым компонентом заголовочного комплекса. Более того, исследователи отмечают, что «аллюзивные заглавия, эпиграфы (большая часть которых – *цитаты*), жанровые подзаголовки...

подчеркивают открытость границ текста» [6, с. 848–849], его соотнесенность с другими текстами. В качестве эпиграфа поэтесса выбрала известную цитату из «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина: «“Что за гора?” – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”» [1, с. 423]. В стихотворении «Веселая свежесть расвета...» (1961), которое предваряется эпиграфом, развиваются тема Арарата и сюжет, соединивший «сегодняшний день и былое». Смысловым центром произведения является образ Арарата, «две снежных главы» которого в свое время видел Пушкин и довелось увидеть своими глазами лирической героине, чтобы ощутить быстротечность бытия («Стремительно и многоцветно, / проносится время земное») и вековечность Арарата.

Поэтический ландшафт в стихах антологии соотносится с духовным миром лирического героя. Регионально-географическое пространство составляет онтологическую основу формирования психологических, ментальных, этнокультурных особенностей личности героя.

Символическое осмысление образа Арарата, основанное на *ветхозаветном мифе*, представлено в стихах М.А. Дудина «Вспоминная Арарат» (1988), навеянных поэту в Михайловском, и начинаются они так:

На Арарате белый-белый снег,
И где-то там, в снегах на Арарате.
Покоится таинственный ковчег,
Как бабочка в коробочке на вате [1, с. 442].

Лирическому герою Дудина, земному человеку, хочется от распрей, бед и обмана «уйти в снега, подобно Абовяну¹». Лирический сюжет строится на оппозиции *временное / вечное*, которая реализуется в мотиве *двоемирия*, олицетворяемого образами бренной и грешной жизни, и «высоким миром над золотой долиной». Этот

¹ Современным читателям эта строка, пожалуй, ни о чем не говорит. Рекомендуем обратиться к книге М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии», в которой упоминается об экспедиции, посвященной восхождению на Арарат профессора Дерптского университета Ф. Паррота в 1829 г., и об участии в экспедиции в качестве переводчика Х. Абовяна, [См.: 1, с. 124–125].

высокий мир символизирует Арарат и как место Спасения человечества. Финальный абзац текста возвращает читателя к современности и воспринимается прогностически-предостерегающе: бегство в снега необходимо лирическому герою –

Не для того, чтобы найти ночлег
Для вечного души успокоенья, –
Мне надо знать, как выстроить ковчег
Для нового Потопа и Спасенья [1, с. 442].

Семантика Арарата в русской поэзии XX века включает *мотив «горы в тумане»* (М.Л. Матусовский «Арарат в тумане», Е.М. Николаевская «Арарат из окна гостиницы», И. Сергеева «Мне Арарат поверил сразу...», Г. Трифонов «Тонут в дымке выси Арарата...» и др.). Лирический герой шутливого стихотворения М.Л. Матусовского – гость в Ереване, «обиженный» на Арарат, который неделю не открывается ему. Но чудо все же происходит: в последний день перед отъездом, в шесть утра «с высоты гостиницы» Арарат открывается лирическому герою.

Еще доступней после дождя,
Он встал над плоскостью мироздания,
Любые вымыслы превзойдя,
Любые путая ожидания [1, с. 378].

Е.М. Николаевская в стихах «Арарат из окна гостиницы» развивает тот же мотив, связанный с чудом появления на горизонте сияющего «непостижимого купола»:

...И он явился. Удостоил.
Открылся. Показался. Всплыл.
Незыблемостью успокоил
И постоянством наградил [1, с. 479].

Лирическая героиня И. Сергеевой одушевляет Арарат и радуется его парению над собой:

Мне Арарат поверил сразу,
Не застился пеленой.

/ А рядом с ним и в нем таилось Божество»), открывающегося всякому, принявшего его в свою душу:

Я видел Арарат, далекое виденье.

Он *плыл*, не приближаясь...

Я видел Арарат *в тумане горизонта*,

И не было преград для взора моего...

Я видел Арарат, и он во мне поныне:

Он светит и глядит из сердца моего [1, с. 630].

В цикле стихов «Армянские мотивы» Ю. Помозова есть небольшое стихотворение «Масис» – это армянское название горы Арарат, которое встречается и у В.Я. Брюсова («Арарат из Эривани»): «Но ты, седой Масис, не слышишь / Ни шумных хвал, ни нужд земных». В стихотворении Ю. Помозова тема возвращения Масиса на родину находит иное образное решение, чем в рассмотренных выше стихах. Восходящее солнце в дымке освещает гору и тень от нее, упавшая вниз, тянется «в заветные армянские долины»:

Тянулся тенью он к отчизне изначальной,

К праматери армян – прекрасной Наири.

Стоит Масис – не блудный сын,

печальный, –

Призывный светоч он в лучах зари [1, с. 621].

И конечно, одним из сквозных мотивов в стихах об Арарате предстает *библейский мотив потопа и спасения*. Своим стихам «Арарат» И.Л. Лиснянская дала подзаголовок «Из апокрифа». Апокрифами называют произведения, развивающие темы, идеи и сюжеты Ветхого и Нового Заветов, ориентирующиеся «на канонические формы, но по каким-либо причинам не вошедшие в *канон*» [6, с. 44]. Апокрифический смысл выражен в третьей строфе стихотворения:

Да, Арарат – и причал ковчега весной

И виноделу первому обелиск, –

Первую в мире лозу здесь вырастил Ной,

Первым отведал вино и напился вдрызг,

И посреди шатра в беспамятстве лег нагой [1, с. 580].

В научной литературе справедливо отмечается, что подзаголовок берет на себя функцию основного носителя предметно-логической информации о тексте. Приведенный пример из стихов И.Л. Лиснянской красноречиво об этом свидетельствует.

Таким образом, проведя обзор всех стихотворений XX в., представленных в книге М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии» (Ереван, 2022), мы выделили блок текстов, в название которых вынесен ороним *Арапат*. Изученный материал позволил выявить символическое значение образа Арапата в большинстве произведений, проанализировать систему мотивов в них, определивших особенности поэтики. Ведущим мотивом в стихах, названных оронимом Арапат (или производными от него), стал библейский мотив потопа и спасения. Образ Арапата находит многообразное воплощение в русской поэзии XX в.: как священная гора, как «современник творенья» мира, как космическая ось мира, как антропоморфный образ, который наиболее полно раскрывается в мотивах «горы в тумане», открывающейся «золотым куполом» далеко не каждому; парящего, плывущего, летящего образа горы, устремленной на родину; тенью, дотягивающейся до неё. Центральное положение образа Арапата в стихах на формальном уровне выражено заголовочным комплексом, что подтверждается нами не только анализом именных заголовков и заглавий в виде поэтической строки, открывающей стихотворение, но и выявлением художественных функций подзаголовка и эпиграфа как компонентов заголовочного комплекса.

Вместо послесловия. *Михаил Давидович Амирханян мечтал провести конференцию, посвященную Арапату, и, невзирая на все препятствия и трудности, сделал это: последняя, 21-я конференция «Арапат: русская и национальные литературы», состоялась в Ереване 25–27 сентября 2024 г. Низкий поклон и вечная память мечтателю и поэту, ценителю русской культуры, красивому и несгибаемому человеку!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии / Под ред. И.В. Романовой. Изд. 3-е, доп. и дораб. Ереван: Копи Принт, 2022. 662 с.
2. Бычков С. Л.Н. Толстой. Очерк творчества. М.: Гослитздат, 1954. 480 с.
3. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. – М.: Вече, 2005., с. 76.
4. Дыхнова Е. Образ горы у Ф.И. Тютчева и Вяч. Иванова // Исследовательский журнал русского языка и литературы, 2015, 2 (5). С. 109–127.
5. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: КИП «Никитинские субботники», 1931. 33 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак, 2001. 1900 стб.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. 672 с.
8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

REFERENCES

1. Amirhanyan M.D. Armeniya v zerkale russkoj poezii / Pod red. I.V. Romanovoj. Izd. 3-e, dop. i dorab. Erevan: Kopi Print, 2022. 662 s.
2. Bychkov S. L.N. Tolstoj. Oчерk tvorchestva. M.: Goslitzdat, 1954. 480 s.
3. Vovk O.V. Znaki i simvolы v istorii civilizacij. – M.: Veche, 2005., s. 76.
4. Dyhnova E. Obraz gory u F.I. Tyutcheva i Vyach. Ivanova // Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literatury, 2015, 2 (5). S. 109–127.
5. Krzhizhanovskij S. Poetika zaglavij. M.: KIP «Nikitinskie subbotniki», 1931. 33 s.
6. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij / Gl. red. i sostavitel' A.N. Nikoljukin. M.: NPK «Intelvak, 2001. 1900 stb.

7. Mify narodov mira. Enciklopediya: v 2-h t. T. 1. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1980. 672 s.
8. Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij / Gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. M.: Izdatelstvo Kulaginoj; Intrada, 2008. 358 s.

**ԱՐԱՐԱՏԻ ՊԱՏԿԵՐԻ ՍԻՄՎՈԼԻԶՄԸ.
ԲԱՆԱՍՏԵԴԾԱԿԱՆ ՎԵՐՆԱԳՐԵՐԻ
ԻՄԱՍՏԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ
(Մ. Դ. ԱՄԻՐԽԱՆՅԱՆԻ «ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ՌՈՒՍԱԿԱՆ
ՊՈԵԶԻԱՅԻ ՀԱՅԵԼՈՒ ՄԵԶ» ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ)**

Ա. Ի. ՍՄԻՐՆՈՎԱ
Մոսկվայի քաղաքային համալսարան

Այս հոդվածը ուսումնասիրում է Արարատ լեռան պատկերի խորհրդանշականությունը բանաստեղծական տեքստերում, որոնց վերնագրերում ներառված է լեռան տեղանունը: Ուսումնասիրությունը հիմնված է Մ.Դ. Ամիրխանյանի «Հայաստանը ռուսական պոեզիայի հայելու մեջ» (2022) գրքում հրապարակված բանաստեղծությունների վրա: Գրքում օգտագործված ընտրության չափանիշները թույլ են տալիս ներառել բոլոր այն բանաստեղծությունները, որոնցում Արարատի պատկերը տեքստում զբաղեցնում է «ուժեղ դիրք» և կենտրոնական տեղ: Բոյուսովի, Մանդելշտամի, Լուգովսկոյի, Մատուսովսկու, Դուդինի, Չվազինցևայի, Նիկոլանսկայայի, Սերգենի, Տրիֆոնովի, Չիչերաբինի և Լիսնյանսկայայի ստեղծագործությունների վերլուծության միջոցով հոդվածը բացահայտում է Արարատի պատկերի խորհրդանշական իմաստները բանաստեղծությունների մեծ մասում, ուսումնասիրում է դրանցում առկա մոտիվների համակարգը և ուրվագծում դրանց պոետիկայի առանձնահատկությունները: Արարատ (կամ դրա ածանցյալ) անվանումով բանաստեղծությունների հիմնական մոտիվը Ջրհեղեղի և փրկության աստվածաշնչյան թեման է: 20-րդ դարի ռուսական պոեզիայում Արարատի կերպարը ներկայացված է բազմազան ձևերով՝ որպես սրբազան լեռ, «Արարչության

ժամանակակից», աշխարհի տիեզերական առանցք և մարդակերպ կերպար, որն առավել լիարժեքորեն բացահայտվում է այնպիսի մոտիվներով, ինչպիսիք են «մշուշի մեջ լեռը», միայն քչերին տեսանելի «ոսկե գմբեթը», և լեռան սավառնող, լողացող կամ թռչող պատկերը, որը ձգվում է դեպի իր հայրենիքը կամ ստվեր է գցում դրա վրա: Արարատի կերպարի կենտրոնական դերը այս բանաստեղծություններում ձևականորեն ամրապնդվում է վերնագրի կառուցվածքի միջոցով: Սա հաստատվում է անվանական վերնագրերի և բանաստեղծական սկզբնատառերի մեր վերլուծությամբ, ինչպես նաև ենթավերնագրերի և էպիգրաֆների գեղարվեստական գործառույթներով՝ որպես վերնագրի համալիրի բաղադրիչներ:

Բանալի բառեր՝ *Արարատ, օրանուն, լեռ, պատկերի խորհրդանիշ, պոեզիա, վերնագրի իմաստաբանություն, մոտիվ, ուղղահայացություն, աշխարհի մոդել:*

THE SYMBOLISM OF THE IMAGE OF ARARAT: THE SEMANTICS OF POETIC TITLES (BASED ON M. D. AMIRKHANYAN'S "ARMENIA IN THE MIRROR OF RUSSIAN POETRY")

A. I. SMIRNOVA
Moscow City University

This article explores the symbolism of the image of Mount Ararat in poetic texts whose titles include the toponym of the mountain. The study is based on poems published in M.D. Amirkhanyan's book "Armenia in the Mirror of Russian Poetry" (2022). The selection criteria used in the book allows for the inclusion of all poems in which the image of Ararat occupies a "strong position" within the text and holds a central place. Through the analysis of works by Bryusov, Mandelstam, Lugovskoy, Matusovsky, Dudin, Zvyagintseva, Nikolaevskaya, Sergeev, Trifonov, Chichibabin, and Lisnyanskaya, the article identifies the symbolic meanings of the image of Ararat in most of the poems, examines the system of motives therein, and outlines the specific features of their poetics. A key motive in

poems titled with the oronym *Ararat* (or its derivatives) is the biblical theme of the Flood and salvation. In 20th-century Russian poetry, the image of Ararat is represented in diverse ways: as a sacred mountain, a “contemporary of Creation,” the cosmic axis of the world, and an anthropomorphic figure most fully revealed through such motives as the “mountain in mist,” the “golden dome” visible only to a few, and the soaring, floating, or flying image of a mountain reaching out toward its homeland—or casting a shadow upon it. The central role of the image of Ararat in these poems is formally reinforced through the title structure. This is confirmed by our analysis of nominal titles and poetic opening lines used as titles, as well as the artistic functions of subtitles and epigraphs as components of the title complex.

Key words: *Ararat, oronym, mountain, symbolism of the image, poetry, title semantics, motive, verticality, world model.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.